

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

художника-путешественника.

Выдержки эти относятся ко времени начала нашихъ завоеваній въ центральной Азіи, когда въ этотъ, почти неизвѣстный, міръ, въ эти полудикия страны, безъ точной, заранѣе опредѣленной и ясно поставленной цѣли, стали мало по малу проникать маленькие, вооруженные отряды русскихъ. Какое это было живое, интересное время! Какъ мало это было похоже на обыкновенные, какъ говорится, „казенные“ военные походы! Все рутинное, форменное, безъ нужды стѣснительное,—все было брошено тамъ, гдѣ-то далеко позади, за пограничию чертою, и теперь мы все шли впередъ и впередъ, совсѣмъ какъ будто „свою волею“. Да, впрочемъ, оно такъ именно и на дѣлѣ было.

Послѣ уже, много времени спустя, все, что было совершено нашими горстями храбрецовъ-шонеровъ, или снисходительно одобрялось, или восторженно привѣтствовалось, или же совсѣмъ на оборотъ—глубокомысленно порицалось и чуть не предавалось анаемѣ; но, тѣмъ не менѣе, все послужило на пользу и обогатило Русь новыми обширными территоріями, миллионами новыхъ, и очень даже недурныхъ подданныхъ, а главное—открыло путь къ роскошнымъ странамъ азиатскаго юга, сильно подвинуло нась къ тому рѣшенію „великаго вопроса“, какое грезилось еще гениальному Петру, на отдыхъ подъ стѣнами покоренного имъ Дербента. Впрочемъ, всѣ эти грандиозныя идеи и будущія историческая

послѣдствія интересовали насъ тогда очень мало; онъ, пожалуй, и въ голову вовсе не приходили, а вотъ насчетъ всего того, что не-посредственно видѣли наши глаза, такъ это совсѣмъ другое дѣло. Это все обаятельно дѣйствовало на насъ прелестю новизны и неожиданностью, дразнило воображеніе, разжигало любопытство, заставляло забывать и не поминать лихомъ всѣ тяжести боеваго похода, всѣ лишенія и неудобства, бессонные, тревожные ночи, жажду, суточные, а то и недѣльные голодовки.

Передъ нами разстилались степи съ волнующимися миражами, изъ туманной мглы выростали грандіозные горные хребты, то черные, угрюмые, то покрытые дѣвственнымъ лѣсомъ, то сверкающіе на солнцѣ ослѣпительными залежами вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ... А тамъ, въ долинахъ, рѣки, обрамленныя непроходимыми чащами камышей, чудные, густо населенные оазисы-долины— и все это что-то особенное, все полное таинственной загадочности.... А люди!.. Рѣзкіе, оригинальные типы, странная одежда, сохранившія свой характеръ и покрой съ самой сѣдою старины, крѣпости съ башнями и бойницами временъ и стиля древней Бактрии, оружіе чуть не первобытное, чудные, колоссальные зданія, памятники Тимуровой эпохи и глиняные города-муравейники.... Странная, дикая музыка, странная заунывная пѣсни, чудные легенды и сказки, чудные нравы и обычаи!... Что ни день, то судьба дарила насъ новою неожиданностью, что ни шагъ, то, словно изъ подъ земли, само собою выростало новое приключение. Все это, конечно, казалось намъ какимъ-то дивнымъ, фантастическимъ сномъ; только одно обстоятельство смущало насъ, поддерживая невольную и вовсе нежелательную связь со всѣмъ тѣмъ, что осталось тамъ назади, какъ я уже выразился, за пограничною чертою, — утѣшая себя, мы думали, что насъ тамъ забыли.... А ну, какъ вдругъ вспомнятъ, спохватятся, начнутъ канцелярски справляться съ „подходящими примѣрами“ и, за неотысканіемъ таковыхъ, встревожатся, пошлютъ насъ розыскивать, а найдя, изрекутъ роковое: „стой-равнайсь!“ со всѣми послѣдствіями онаго. Но такъ какъ этого „стой“ мы еще не слыхали пока, то и старались удирать все дальше и дальше впередъ, ну вотъ совсѣмъ, какъ рѣзвые школьніки отъ глазъ противнаго педанта-гувернера.

РИСКОВАННЫЙ СЕАНСЪ.

День былъ жаркій и хотя солнце давно уже перешло зенитъ, но парило на славу. Сегодня штурмъ вышелъ удачный, какъ рѣдко. Открыли мы близкій огонь по стѣнамъ изъ нашихъ легкихъ четырехъ пушекъ на разсвѣтѣ, чуть забрезжило, а къ полудню уже и самая цитадель была занята нами, и крохотный укрѣпленный канадскій городъ опустѣлъ, покинутый своими защитниками, въ страхѣ разбѣжавшимися по сосѣднимъ горнымъ ущельямъ. Наши ворвались черезъ брешь, пробитую пушками: часть глинобитной стѣны рухнула и удачно завалила глубину рва; помогли и лѣстницы немнога. Но теперь въ этой бреши надобности не было, потому что обозъ нашъ и тяжести вошли въ городъ уже по большой дорогѣ, черезъ ворота, заваленные было коканцами, но расчищенные и гостепріимно отшерты настежь нашими саперами. Брешь осталась значительно въ сторонѣ, отъ дороги болѣе чѣмъ за полверсты—отсюда ея почти и не видно было за стѣнками садовъ и группами фруктовыхъ деревьевъ. Дорога и узкая, кривая, покрытая топкою вонючую грязью улицы города кипѣли теперь иною жизнью, немножко дикою, положимъ, но весьма естественною, принимая въ разсчетъ еще неулегшееся первое возбужденіе недавняго боя. Въ воротахъ стѣснились двухколесныя арбы нашего обоза и зеленые, форменные патронные ящики, вьючные верблюды, лошади и шлаки, полувооруженные киргизы-милиционеры, оборванные нищіе-„шакалы“, вѣчно бредущіе голодными шайками за отрядомъ, казаки и стрѣлки обознаго прикрытия, однимъ словомъ—все, что живетъ вѣчно въ хвостѣ колоны. Все это, натурально, орало и гвалтовало на разные лады. Сплошнымъ облакомъ стояла въ воздухѣ густая пыль, словно насыщенная ревомъ верблюдовъ, скрипомъ немазанныхъ колесъ, ржаніемъ коней, воплями ословъ, звучными щелканіями нагаекъ и перекрестною, отборною руганью, гдѣ русская рѣчь словно спорила съ туземнымъ богатствомъ и вычурностью выражений.

Протискавшись кое-какъ сквозь этотъ хаосъ и вынырнувъ снова на свѣтъ Божій изъ-подъ темной арки воротъ, я попалъ

въ узкую улицу, сразу идущую крутымъ кольномъ; въ этой улицѣ двѣ встрѣтившіеся арбы не могли бы разѣхаться вовсе. Справа и слѣва поднимались глинобитныя и сложенные изъ камня стѣны сакель и дворовъ, изрѣдка прорѣзанныя воротами; ни одного окна на улицу не выходило, по обычаю мусульманства, что придавало улицѣ видъ особенно мрачный, нежилой, наводящій тоску и уныніе. До цитадели, гдѣ уже собралось начальство, было еще не близко, а потому, конечно, всѣ ворота были разбиты въ дребезги и, въ опустѣлыхъ, покинутыхъ законными хозяевами дворахъ и сакляхъ, энергично хозяинчили побѣдители. Запыхавшіяся, оборванныя, перепачканная кровью и грязью фигуры шмыгали изъ двора во дворъ, перебѣгали улицу, выглядывали изъ-за гребней стѣнъ, лазали по плоскимъ крышамъ... Все это „добывало“ и „тащило“, оспаривая другъ у друга право на добычу. Тамъ казакъ-сибирякъ навьючили своего коня, копна-копною, снопами сущенаго клевера, покрылъ поверхъ парою дорогихъ ковровъ, навѣшалъ еще какого-то шелковаго тряпья и самъ залезъ на верхъ, да еще сверхъ своей армячной форменной рукахъ накинулъ малиновый халатъ, сплошь шитый золотомъ и блестками... Конь едва ноги переставляетъ подъ непосильною тяжестью, а въ сторонѣ, пока еще „порожній“, товарищъ завистливо смотритъ и пытается:

— А это ты гдѣ же, Данило Иванычъ?

— Тамъ, киваетъ Данило на сосѣднюю саклю и отчаянно балансируетъ руками въ воздухѣ; потому подпруга не выдержала — скользить сѣдло на бокъ, и съ бранью, конечно, валится богатый казакъ въ грязь со всѣми своими коврами, шелками и малиновымъ халатомъ.

— Небось мягко! острить кто-то, невидимый, за стѣною.

А надъ сосѣднею саклею взвилось зловѣщее черное облачко, зарумянившееся снизу; изъ стѣнной продушины тоже задымило...

— Братцы! Это что же?.. Это не годится! отчаянно мечется урядникъ съ крестомъ и медалями, силясь пробиться съ объѣздомъ къ мѣсту начинающагося пожара. Подъ ноги его чубараго, гриавастаго коня подвернулся татарикъ-маркитантъ, Ахметка, успѣвшій гдѣ-то набарантовать цѣлую охапку мѣдныхъ тазовъ и кунгановъ, но теперь растерявшійся, струсившій и за себя, и за свою цѣнную добычу... Лупить урядникъ-кавалеръ плетью ре-

менною и по Ахметкиной тюбетейкѣ и по мѣднымъ тазамъ безъ разбора...

— Словно въ літавры нажариваетъ! острить бойкій стрѣлокъ, пѣхотинецъ, а самъ къ стѣнкѣ прижался, обходить сторонкою, потому что на дорогѣ, какъ разъ поперегъ, тѣло лежитъ ничкомъ, въ синемъ халатѣ, въ желтыхъ, остроносыхъ сапогахъ... Голова бритая обнажена, затылокъ раздробленъ чисто... должно быть это уже послѣ смерти, колесомъ, знать, пушечнымъ перѣхало.

А около тѣла, перемѣшавшись съ грязью и кровью, разсыпанъ цѣлый мѣшокъ, батмана, изюму и урюку сущенаго, да болно уже изгажены эти соблазнительныя сласти, — братъ не стоитъ! Гдѣ-то, въ темномъ углу самаго задняго дворика, отыскали старика дряхлаго, беззубаго, въ одной длинной бѣлой рубахѣ. Вытащили эти моши на свѣтъ божій, спрашиваютъ:—ты что за человѣкъ? А тотъ молчитъ и только крохотными, слезливыми глазками помаргиваетъ...

— Ташь его къ генералу, къ допросу!

Нѣдетъ старикъ, не можетъ: ноги подгибаются, служить не хотятъ... Посадили его къ сторонкѣ, — „сиди-молъ, знай, только чтобы—смирно!“

Въ другомъ мѣстѣ пожарный дымокъ поднимается... Глухими перекатами доносится барабанная дробь и дребезжащіе звуки сигнальныхъ рожковъ. Это въ цитадели сборъ бываетъ „всѣмъ частямъ...“ Въ концѣ улицы, на поворотѣ, надъ пестрою, поддающеюся, видимо на утекъ, толпою сверкаютъ въ пыли десятка два штыковъ и болтается красная тряпка ротнаго значка. Это выслана уже болѣе надежная, пѣшая команда для возстановленія порядка и тушенія начинающагося пожара, замѣченаго, значитъ, изъ цитадели опытнымъ глазомъ начальства. Мало по малу порядокъ, дѣйствительно, возстановляется; даже въ воротахъ и тамъ стало относительно просторно. Вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, поставлены караулы, тамъ и сямъ засновали офицеры верхомъ на кровныхъ карабоирахъ... Одинъ, красивый блондинъ, недоволенъ чѣмъ-то и товарищу жалуется:

— И гдѣ это „они“, mon-cher, женщины своихъ прячутъ?

А „mon-cher“ чиркаетъ на рысяхъ спичкою, трубочку въ зубахъ стиснулъ, закурить собирается, и тоже недовольство свое высказываетъ, но уже совсѣмъ по другому поводу.

— Ну, уже вздую я своего Антошку, каналью! Каждый разъ, подлецъ, увлечется „барантою“ и запропастится гдѣ-то. Погоди же ты, на этотъ разъ, у меня, каторжный!

— А какъ ближе будетъ въ цитадель прѣхать? спросилъ я у встрѣчнаго казака.

— Прямо, ваше благородіе, а тамъ все лѣвѣ держитесь, около стѣночки... Какъ разъ попадете!.. Все лѣвѣ, да лѣвѣ придерживайтесь.

— Ладно!

Взялъ я сначала прямо, потомъ лѣвѣ и точно выѣхалъ къ стѣнкѣ, ко вѣнчнѣй только. Погналъ я рысью своего карьку, а самъ строго держусь по указанію,—все лѣвѣ, да лѣвѣ забираю.

Тутъ уже совсѣмътихостало, безлюдно. Справа заднія стѣнки крайнихъ дворовъ и сакель, слѣва полуобвалившіеся барбеты крѣпостной ограды съ зубцами... Дорогаузенъка, грязная, вонючая; на одномъ изъ барбетовъ пушки допотопная стоитъ на боку, безъ одного колеса; около ея два тѣла валяются, а около самой стѣны, плечами упершись, не то сидить, не то лежитъ тоже трупъ окоченѣлый... Каръко мой храпитъ, упирается, къ сторонѣ жмется...

— Туда-ли я попалъ? думаю... Хотѣлъ было уже назадъ вернуться, да впереди какъ будто просторное мѣсто виднѣлось и зелень деревьевъ замаячила... Прибавиль я рыси и скоро выѣхалъ,—только не къ цитадели, а какъ разъ къ мѣсту штурмовой бреши... Сталъ осматриваться.

Какъ причудливо, картино разбросались по изрытому, окровавленному пологому обвалу эти массы человѣческихъ труповъ!.. Тамъ въ одиночку, тутъ—по-нѣскольку вмѣстѣ, а здѣсь вотъ, подъ навѣсомъ раскололшейся стѣны, въ углу, гдѣ, значить, податься некуда было, здѣсь цѣлою грудою, не разберешь—гдѣ чья рука, гдѣ чьи ноги. Какъ разъ по срединѣ бреши, на просторѣ, лежитъ молодой боепрѣдѣль семнадцати, мальчикъ совсѣмъ, и не лежить, а вотъ словно подняться хочетъ на ноги,—напрягъ послѣднія усилия, рванулся да и закоченѣлъ въ этомъ живомъ движениіи. Недалеко отъ него полуголый бронзовыиатлѣтъраспластался крестообразно и въ груди у него, подъ ложечкою, двѣ зіяющія развороченные штыковые раны. Уголъ стѣны обвалился отъ нашихъ гранатъ, и кто-то подъ самый этотъ обвалъ угодилъ; самого не видать, а

только кисти рукъ высунулись изъ-подъ мусора; пальцы черные, какъ уголь, крючками... А вотъ сѣдой старики въ золотистомъ парчевомъ халатѣ сидитъ, прислонившись къ откосу спиною, голова его низко на грудь свѣсилаась; около — книга лежить большая, тяжелая, въ темно-красномъ кожаномъ переплетѣ... Оконченѣе, холодные пальцы правой руки старика судорожно уცѣпились за узорыя мѣдныя застежки святой книги... Убить мулла въ самомъ пылу вдохновенной проповѣди.

— Какъ это они книгу такую оставили? пробѣгааетъ у меня въ головѣ. — Вѣдь подиши ты, ни вѣсть какая рѣдкость должно быть!.. Конечно, коранъ рукописный съ заставками, рисованными отъ руки и арабесками, выведенными красками и позолотою... Каждая страничка въ рамочкѣ, а сами письмена красивѣе узора всяаго... Надо бы съ коня слезть, посмотретьъ, да съ собою забрать... Да вотъ претить какъ-то... Мертвыхъ обирать своими руками не хочется... Вотъ еслибы казачинко какой проѣхалъ бы мимо,—приказалъ бы—а то...

Солнце тутъ къ самимъ синимъ горамъ на горизонтѣ спустилось и косымъ лучемъ прямо въ старика муллу уперлось, рѣзкую тѣнь откинуло. Заблестѣли, словно загорѣлись складки золотистаго халата, словно ожило это строгое лицо съ глубокими, провалившимися впадинами глазъ... И само собою случилось, что слезъ я съ своего карька, бросилъ ему поводья на шею, вынулъ свой дорожный альбомъ изъ кармана и сталъ внимательно зарисовывать эту типичную „натуру“.

Увлекся я рисункомъ сильно. Карапашъ, словно самъ собою, скользилъ по бумагѣ, широко прокладывая пятна тѣней, очерчивая прихотливые ракурсы тѣла и складки одежды... Только чувствую я смутно, что кто-то стоитъ сзади меня и пристально въ упоръ разматриваетъ мой затылокъ... Обернулся, самъ за револьверъ взялся, на всякий случай... Осмотрѣлся... Нѣть никого. Должно быть это мнѣ такъ показалось. Мирнымъ сномъ покоятся мертвѣцы; тишина въ воздухѣ, ни одинъ волосокъ не пошевелился... Да, это мнѣ только такъ почудилось.

Принялся я снова за свой рисунокъ и снова, спустя минутъ десять, начинаю испытывать то же, въ высшей степени непріятное впечатлѣніе... Ну вотъ интересуется мною кто-то, да и только! Обернулся опять, — все покойно. Одно лишь обстоятель-

ство показалось мнѣ нѣсколько подозрительнымъ: сзади меня, шагахъ въ десяти, лежалъ трупъ ничкомъ, одна рука у него подъ тѣломъ была спрятана, а другая впередъ вытянута, лицо совсѣмъ въ рыхлую землю зарылось, кромѣ широкаго, краснаго, раздвоенаго затылка, да старой залоснившейся тюбетейки, ничего не видать... Вотъ это самое тѣло, показалось мнѣ, какъ будто бы теперь нѣсколько ближе лежало ко мнѣ, чѣмъ прежде, этакъ шага на три, на четыре... Внимательно я присмотрѣлся къ подозрительному трупу, подошелъ въ плотную, ногою толкнулъ... Нѣть ничего! Да и ближе ли оно теперь? думаю.—Пустяки!

Однако постояль съ минуту около покойника, понаблюдалъ, и результаты этихъ наблюдений успокоили меня окончательно.

Занялся я опять рисункомъ. — Вотъ сейчасъ кончу, да пора и въ лагерь! Солнце сидѣть, — стемнѣеть быстро, разомъ, а въ потьмахъ и дороги не сыщешь...

Заканчиваю торопливо... Вдругъ, по близости, грянула ружейный выстрѣлъ. Встрепенулся я и албомъ изъ рукъ выпустилъ. Оглядываюсь; а этотъ-то, что ничкомъ здѣсь, шагахъ въ двухъ отъ меня не больше лежалъ, теперь уже не ничкомъ лежитъ, а на правомъ боку, змію извивается, корчится и на меня глядитъ—не то укусить хочетъ, не то просить чего-то жалостливо... Изъ-за угла стѣнки, гдѣ дымокъ пороховой ниточкою протянулся, солдатъ нашъ выглядываетъ, въ кепи на затылокъ... Хохочетъ, заливается.

— Это я, говорить, его, ваше благородіе, ошарашилъ! Я все его подстерегалъ, какъ это онъ къ вамъ сзади подбирался... Вѣдь винъ ты, азіатъ проклятый! А вы бы, ваше благородіе, съ оглядкою по здѣшнимъ мѣстамъ; у насъ, вонъ, унтера Михѣева такой-то раненый съ носилокъ ножемъ пырнулъ. Подобрали его какъ путнаго, въ лазареть тащили, а онъ нако вотъ — подижь ты! Вы, ваше благородіе, по здѣшнимъ мѣстамъ съ оглядочкою бы!..

Согласился я съ солдатикомъ, что „по здѣшнимъ мѣстамъ“ оглядка дѣло не лишнее и, кстати, попросилъ взять и донести до моей палатки „интересную книгу“, такъ меня все время сблазнявшую. Мой „спаситель“ исполнилъ это весьма охотно, ставивъ притомъ и золотистый халатъ съ плечь старика, приговаривая наивно:

— Вы, ваше благородие, ротному только не сказывайте, а мнѣ за этотъ охабень Ахметка пару стаканчиковъ поднесетъ... Оно разчудесно съ устатку, да на сонъ грядущій.

ПОРТРЕТЪ.

Былъ у меня пріятель одинъ, изъ офицеровъ линейнаго батальона, то есть они всѣ были мои пріятели, но этотъ особенный, къ нему какъ-то ближе лежало сердце, съ нимъ отраднѣе и легче дѣлились и горе, и радость... Душа у него была очень чуткая и отзывчивая, и лицо такое, ни богъ вѣсть, какъ красивое, самое обыкновенное, но симпатичное, доброе, открытое. Звали его Ваня Черныхъ; онъ былъ родомъ изъ сибиряковъ, а тамъ большинство фамилій съ такимъ окончаніемъ. Въ чинахъ Ваня былъ небольшихъ, но уже ротою командовалъ и считался лучшимъ офицеромъ, да еще первымъ храбрецомъ въ бою, и храбрецомъ настоящимъ, а не показнымъ, экзальтированнымъ. Черныхъ въ самый разгаръ схватки былъ покойнъ и ровенъ, какъ у себя въ палаткѣ. Не кричалъ, не бѣсновался, не ругался никогда, считая это великимъ грѣхомъ, но голосъ его покойный, твердый ясно слышался тогда, когда это было нужно, и глазъ умѣль во время замѣтать всѣ малѣйшіе варіанты судьбы данного боя, а опять научилъ отлично пользоваться этими варіантами. На „подвиги“ онъ никогда не напрашивался, какъ многіе другіе, но когда приходилось вынимать жребій идти командовать отборными охотниками, то видимо радовался, когда попадался ему счастливый билетикъ „идти“ и также видимо огорчался, когда выходило обратное. Въ наградные списки и не заглядывалъ вовсе, а чтобы еще самому идти къ адъютанту похлопотать да справиться,—это ему и въ голову не приходило.

Пили всѣ тогда очень щібко, особенно во время затишья. Почти и жили-то въ полъ-пьяна, не отрезвившись какъ слѣдуетъ ни разу, но Ваня Черныхъ не пилъ ничего, кромѣ чаю, даже къ шампанскому не прикасался, которое иногда, въ торжественныхъ случаяхъ, подавалось у генерала, изъ завѣтнаго

ящика. И не пиль Ваня не потому, чтобы выдѣляться изъ круга пьяницъ-товарищѣй, ради отличія, какъ думали было про него нѣкоторые; а просто не тянуло его ни къ чему спиртному, претило даже отъ одного вида маркитантской посуды.

Разговоровъ скабрезныхъ по поводу женщинъ не переносиль мой пріятель тоже,—въ краску его кидало отъ этихъ разговоровъ и намековъ; а разъ, шутки ради, самъ генераль показаль ему стереоскопъ съ нецензурною картинкою, такъ Ваня до того растерялся отъ этой неожиданности, что плонулъ въ самую середину стекла генеральского стереоскопа, да потомъ спохватился и потуявшись пробормоталъ: „виноватъ, ваше превосходительство!“

И вотъ, этому-то человѣку, въ то время когда женщина доступна была для всѣхъ прочихъ только развѣ въ помышленіяхъ, судьба, какъ нарочно, послала прелестный экземпляръ изъ плеяды „вѣнцовъ созданія природы“. Случилось это такимъ образомъ.

Ваня Черныхъ со своею ротою былъ дня на три посланъ въ одну изъ боковыхъ рекогносировокъ. Дѣло было зимою, въ лютую, студеную пору, въ такую пору, что и старики не запомнятъ, чтобы въ ихъ время когда либо свирѣпствовали такие морозы, смѣняющіеся периодически страшными мятелями и вынуждами. Вотъ въ этакую-то пору, въ сакль одного изъ покинутыхъ жителями ауловъ, Черныхъ нашелъ старушку, полумертвую отъ холода и голода и съ нею дѣвушку лѣтъ пятнадцати. Накормили ихъ, отогрѣли, чаемъ напоили, да и какъ поили-то: поставятъ около, а сами отойдутъ подальше, чтобы и глаза не видѣли, ну тѣ и сѣдѣть, а то и не подступятся вовсе. Совсѣмъ дикія какія-то! Наконецъ отряду надо было дальше выступать,—не бросить же бабъ на произволъ судьбы, безсильныхъ, беспомощныхъ замерзать заживо! Хотѣли съ собою ихъ взять, да онѣней-дуть охотою... Старуха словно ожила, ухватилась за порогъ руками и зубами щелкаетъ, а молодая въ уголь прижалась, и не плачетъ, а завываетъ дикимъ голосомъ... Уговаривали, уговаривали, словно не понимаютъ ничего, не слышать, а вѣдь идти-то, все-таки, надо.

Черныхъ растерялся,—какъ быть не знаетъ, а гарнистъ Шадринъ говоритъ:

— Я это, ваше благородіе, мигомъ обработаю!

Сговорились четверо, разомъ къ старухѣ подступили, на рукахъ ее вынесли, какъ ужь она не барахталась, на ишака усадили и привязали крѣпко; тронулись въ походъ, а молодая сама пошла сзади, да поодаль, какъ козленокъ за маткою.

Вернулись на стоянку уже глубокою ночью. Черныхъ бабъ въ свою землянку спряталъ, а самъ пошелъ ночевать къ фельдфебелю. Къ утру старуха къ предкамъ отправилась: не выдержала, значитъ; а молодая осталась одна, на попеченіи нашего Вани.

Быстро разнеслась вѣсть о „дорогой гостьѣ“ по лагерю. Всѣ знали, какъ строго запрещено было присутствіе въ отрядѣ „бабыаго элемента“ и всѣхъ очень интересовалъ вопросъ: что будетъ дѣлать Черныхъ со своею находкою и какъ генераль взглянетъ на такое исключительное обстоятельство? Надѣль Ваня форму, пошелъ докладывать: такъ и такъ, говоритъ...

— Знаю, отвѣчаетъ генераль.

— Куда предоставить прикажете, ваше превосходительство?

— А выведете ее за цѣпь и пусть идетъ съ Богомъ на всѣ четыре стороны.

— Ваше превосходительство! задрожалъ голосъ у офицера... Тамъ вѣдь степь... холодъ... ее волки съѣдять... Жилаго мѣста, туземнаго нѣть близко...

— Знаю, отвѣтилъ генераль.

Говорить покойно, даже строго какъ будто, а у самого, замѣчаемъ мы, скула подергивается, — не то расхохочется сей-часъ, не то вспылитъ, хоть святыхъ выноси... это всегда уже такой признакъ, всѣмъ намъ давно извѣстный.

Жалко намъ стало... и товарища жалко и ту дѣвочку... Сами понимаемъ, что на смерть обрекаетъ ея генеральскій приговоръ. Адвокантъ Балагановъ съ развязностью сунулся было адвокатствовать, исключительные резоны представлять началь было, да только произнесъ: — ваше... какъ генераль ему гаркнулъ: — молчать! не ваше дѣло!

Съ минуту всѣ помолчали.

— Ну, Черныхъ, заговорилъ генераль, — держите ея пока у себя, не въ примѣръ прочимъ, до времени теплago, или до подходящаго случая удобнаго, а тамъ видно будетъ...

Растерялся Ваня отъ такой неожиданности такъ, что даже руку пощѣловалъ у его превосходительства.

— А вотъ за это на лишнее дежурство. Распорядитесь, поручикъ Балагановъ!

Вышли мы, стали поздравлять Ваню, а тотъ и слышать не хочетъ; бѣгомъ пустился къ своему бивуаку и сейчасъ же распоряженія сдѣлалъ. Много смѣялись въ отрядѣ надъ этими распоряженіями: такъ они были не то что странны, а совсѣмъ не похожія на тѣ, которая бы, на мѣстѣ Вани, всякий другой сдѣлалъ бы. Во-первыхъ, онъ вынесъ изъ своей землянки всѣ свои вещи, кроме постели и разнаго запаснаго теплого платья,—землянку всецѣло предоставилъ въ распоряженіе своей новой жилички, а самъ помѣстился около, въ палаткѣ, которую уже солдатики, радѣя о своемъ ротномъ, окопали и для тепла укрыли сверху войлоками. Насчетъ продовольствія, такой былъ данъ приказъ деньгищику, Гаврилу Краснову, чтобы три раза въ день приносилось и ставилось въ землянкѣ горячее кушанье и чай, но чтобы самъ Гаврило ничѣмъ не беспокоилъ и не пугалъ дѣвочку, а, молъ: „поставь и уходи съ Богомъ“ — сама сѣѣтъ, какъ оглядится, да аппетитъ почувствуетъ. Самъ Ваня не подходилъ даже къ землянкѣ, обойти подальше всегда старался и другихъ просилъ не беспокоить, не любопытствовать.

— Что, красавая? спрашивали, бывало, обладателя таинственной затворницы.

— А я почемъ знаю! Она вѣдь закрываетъ лицо... это у нихъ по закону такъ слѣдуетъ.

— Вѣдь вотъ чудакъ! удивлялись многіе, а больше всѣхъ поручикъ Балагановъ.

Долго-ли бы такъ тянулось, — не знаю, только деньгищикъ Гаврило Красновъ, старикъ почтенный, и недурно говорившій по татарски, не очень-то соблюдалъ приказъ своего барина, особенно, когда того дома не было. Понесетъ, бывало, ей „порцію“, а самъ присядеть у порога, распрашивать начнетъ, уму-разуму учить и мало по малу, недѣли въ двѣ, добился-таки и въ отвѣтъ слова. А первое слово, что первый шагъ, что возъ тяжелый съ моста двинуть, дальше уже само собою дѣло сдѣлается.

Доложилъ барину: „такъ, молъ, и такъ—хомуутъ, молъ, принялъ, какъ дальше пойдетъ выѣздка?“

Сначала-было упирался Ваня—Гаврилу даже выругалъ первый разъ въ жизни, а потомъ и самъ украдкою рискнулъ навѣ-

даться. Теплое время стало подходить, обжились оба... Разговоръ опять пошелъ между товарищами, намеки разные, только эти намеки Ваня остановилъ разомъ.

— Будеть хорошо понимать по нашему, попривыкнетъ, сама своею волею пойдетъ, ладно тогда, а пока я ее и пальцемъ не трону.

Тутъ, неожиданно для всѣхъ, одобрилъ его маіоръ Брутовъ, человѣкъ циникъ, для которого ничего святого не было, вѣчно пьяный, вѣчно съ сальнымъ словомъ на языкѣ; а тутъ подошелъ къ Ванѣ, хлопнулъ его по плечу и хриплымъ басомъ произнесъ:

— Это ты, бррратъ, вѣрно! потому человѣкъ—не скотина!..

Замѣтили мы, что Черныхъ сталъ на деньги скупъ,—все, что не получалъ, все въ казенный ящикъ клалъ на сбереженіе. Себѣ во всемъ сталъ отказывать... Что такое?

— А это, говорить, на случай, если она не захочетъ со мною оставаться — уйти, значитъ, къ своимъ пожелаетъ, такъ, чтобы ее не съ пустыми руками отпустить. Все ей достанется!

— А тебѣ-то что же?

— А мнѣ, говорить, тогда уже ничего не нужно будетъ...

Такъ онъ эту фразу сказалъ, что у нась и языкъ прилипъ, а маіоръ Брутовъ даже самую тонкость понялъ,—подошелъ опять вплотную, пристально уставился своими оловянными глазами, крикнулъ:

— Ты, значитъ, её въ лицо видѣлъ?

— Видѣлъ, чуть слышно, потупясь произнесъ Ваня и всыхнулъ, словно вся кровь ему въ лице бросилась...

Снѣгъ только растаялъ, земля пригрѣлась, ростокъ зеленый дала, а уже все дѣло перемѣнилось... Уже и мы всѣ прочие стали заходить въ землянку; эта дѣвочка уже и къ намъ приглядѣлась, узнавала кое-кого, надѣ Брутовымъ даже подшучивала, пѣсни пѣла по своему и чаемъ нась угощала... Ну, да и мы же всѣ ее баловали! Все, что было у кого изъ одежи лишняго, все ей тащили. Генераль самъ прислалъ ей халатъ шелковый, зеленый и уборъ головной, бирюзовый съ камнями цвѣтными... Только Ваня все-таки жилъ отдѣльно и заходилъ къ „Нуръ-чашъ“ (такъ ее звали), какъ гость, наравнѣ съ прочими.

Пришлое нашему отряду сниматься съ позиціи и двинуться

впередъ, переходовъ на десять. Нуръ-чашъ ѿхала въ арбѣ за-
крытой, съ обозомъ; а пришли на новое мѣсто, особенную па-
латку для нея поставили. Въ землянкахъ не было надобности:
время уже настало теплое и въ мѣста пришли жилая...

Молчить генераль, не напоминаеть о высылкѣ. Понятно,
что не нашлось никого, кто бы захотѣлъ вывести его изъ этой
забывчивости. Вотъ тутъ-то и разыгралась у меня съ Нуръ-чашъ
такая исторія.

Дикарка знала, что я рисую и очень любила даже разсма-
тривать мои альбомы, которые я ей охотно показывалъ. Особенно
она засматривалась на пейзажи, зданія, рисунки разныхъ цвѣ-
товъ, утвари; но ея, видимо, смущали изображенія живыхъ су-
ществъ — она ихъ разсматривала жадно, съ жгучимъ любопыт-
ствомъ, но вмѣстѣ и со страхомъ, и когда я спросилъ ее объ
этомъ обстоятельствѣ, то она сначала нехотя, а потомъ, увле-
каясь все болѣе и болѣе рассказомъ, сообщила, что по ихъ за-
кону рисовать живыхъ — большой грѣхъ, страшный грѣхъ, на-
влекающій на рисовальщика большую отвѣтственность и наказа-
ніе Божіе, а пуще на того, кто позволилъ съ себя рисовать своею
доброю волею...

— Аллахъ, рассказывала она, только одинъ можетъ творить
все живое. Онъ даетъ форму, онъ даетъ и душу этой формѣ, а
ты развѣ можешь дать душу всему тому, что ты нарисовалъ въ
своихъ снимкахъ? У всякаго изображенія живаго, у всякаго,
значитъ форма, душа есть, только вселиться она можетъ по волѣ
Аллаха и ни по чьей больше; и вотъ ты нарисовалъ форму, а
душа ея носится около, тоскуетъ, жалуется на тебя Аллаху и
проситъ ее избавить отъ этого мученія; а избавить ее можетъ
только смерть самого рисовальщика, виновника этой тоски, этихъ
мученій. Но если кто самъ, по своей волѣ, позволитъ снять съ
себя форму, то Аллахъ въ наказаніе отбираетъ отъ такого грѣш-
ника половину его собственной души, а разрозненные половинки
тоскуютъ вдвое и приносятъ наказанному одно только горе,
однѣ неудачи въ жизни, одни несчастія.

Мнѣ въ первый разъ тогда пришлось слышать такое объяс-
неніе. Потомъ я уже самъ убѣдился, что повѣрье это суще-
ствуетъ у всѣхъ мусульманскихъ народовъ, въ большей или мень-
шей силѣ, за исключеніемъ киргизовъ, которые вовсе не счи-

таются добрыми мусульманами. Ни на фрескахъ мечетей, ни въ украшеніяхъ стѣнъ богатыхъ сакель мнѣ не приходилось видѣть изображеній живыхъ существъ, и богатые рисунки-орнаменты исключительно наполнялись только арабесками, цветами, предметами утвари, а если и встрѣчались намеки на что-либо живое, какъ, напримѣръ, на бухарскихъ коврахъ, то это живое выражалось только въ очень слабомъ сходствѣ и совершенно видоизмѣнялось, принимая форму оригинального и замысловатаго орнамента.

Признаться, меня не особенно радовала и утѣшала философія Нуръ-чашъ. Я давно уже мечталъ о томъ, какъ я уговорю ея посидѣть два или три сеанса и нарисую это оригинальное, полное жизни и характера, румяное лицико, съ чудными, черными какъ уголь глазами, съ этими бровями дугово, съ этимъ сочнымъ чувственнымъ ртомъ, сверкающимъ при улыбкѣ рядомъ превосходныхъ, блѣлыхъ какъ слоновая кость, ровныхъ зубокъ...

Да и Ваня меня просилъ не разъ обѣ этомъ... Онъ все еще боялся спросить: согласна ли Нуръ-чашъ быть его женою? Боялся отказа больше, чѣмъ смерти и утѣшалъ себя надеждою — хоть портретъ ея имѣть, когда оригиналъ улетитъ, повинуясь своей собственной волѣ. Бѣдный Ваня! онъ и не подозрѣвалъ, что уже этой собственной воли не было у его Нуръ-чашъ, что она жила и дышала не своею, а его собственной волею и ждала только, когда наступитъ для нея этотъ блаженный часъ, въ который придется и возьметъ ее — ея повелитель.

Приступилъ я осторожно къ дѣлу, — началъ съ обиняковъ, заходилъ, что называется, справа и слѣва, но едва только Нуръ-чашъ угадывала мое намѣреніе, то приходила въ такой ужасъ, что по три дня не могла даже видѣть меня безъ того, чтобы съ ней не случилось чего-то похожаго, пожалуй, даже на истерику.

Пустился я на хитрость. Давъ съ недѣлю успокоиться, я опять началъ показывать ей свои альбомы и нарочно нарисовалъ предварительно нѣсколько драпировокъ и разныхъ уборовъ, но безъ лицъ и формъ тѣла. Ваня согласился помочь мнѣ въ моихъ планахъ и уговорилъ Нуръ-чашъ какъ-то одѣться понаряднѣй и попросилъ гостей. Пришелъ и я. Понятно, что я пришелъ въ восторгъ отъ ея убранства, и мы всѣ вмѣстѣ кое-какъ уговорили ея сидѣть смирно, только якобы для того, чтобы нари-

совать исключительно ея серьги, ожерелье, налобникъ и прочія детали костюма. Она долго не соглашалась, она словно подозрѣвала мою хитрость; но къ общимъ просьбамъ присоединился Ваня, и она покорно согласилась, жалобно, просительно глядя на того, кого она считала своимъ повелителемъ, у кого взглядомъ просила теперь защиты и покровительства. Я рисовалъ послѣднѣ, лихорадочно. Мало по малу черты ея лица переходили на бумагу; съ каждымъ прикосновеніемъ кисти эти черты оживлялись, сходство усиливалось, передавался даже исключительный характеръ выраженія ея въ эту минуту. Я былъ въ ударѣ. Я кончилъ, и вдругъ торопливо вышелъ изъ палатки, захвативъ съ собою альбомъ. Я предвидѣлъ, что она захочетъ взглянуть и мнѣ надо было выиграть время перемѣнить альбомъ на другой, такой же, гдѣ заранѣе приблизительно набросаны были только драпировки и украшенія моей невольной натурщицы. Когда я принесъ ей этотъ уже подмѣненный рисунокъ, она пристально посмотрѣла на меня, покачала головою и грустно прошептала:

— Не надо... уйди... У меня теперь только половина души, другой нѣть... Она улетѣла. Я это чувствовала... Она тамъ теперь... и далеко...

И, заплакавъ какъ ребенокъ, она легла на постель, отвернувшись лицемъ къ стѣнѣ и накрылась съ головою халатомъ.

Съ этого дня дѣйствительно на всѣхъ насъ троихъ обрушилось одно тяжелое несчастіе. Нуръ-чашъ совершенно измѣнилась: ея веселость исчезла безъ слѣда, унеся съ собою и ея живой румянецъ и ея симпатичную, заразительную улыбку. Ваня опустилъ носъ и захандрилъ невыносимо. У меня тоже непріятно зашевелилось нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти, и какъ я себя не оправдывалъ, а все-таки дорого бы далъ за то, чтобы этого портрета не существовало вовсе. Но дѣло уже было сдѣлано и поправить его оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ мы всѣ сначала думали. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы не выручила насъ изъ бѣды иная сила, которая оказалась могучѣе силы вѣрованія, силы врожденныхъ, всосанныхъ съ молокомъ матери предразсудковъ.

Дни и ночи проводилъ бѣдный Ваня около своей тоскующей и заболѣвшей не на шутку Нуръ-чашъ. Рѣдко ей удавалось засыпать и эти сны сопровождались то тяжелыми мучительными

грезами, то грезами иного рода. И воть эти-то другія грезы и убѣдили нашего пуританина, что ему нечего уже бояться отказа, что его любить безграницно, безраздѣльно, что передъ этою любовью уже не стоитъ никакихъ перегородокъ, никакихъ препятствій. Но Черныхъ вбилъ себѣ въ голову, что не дотронется до нея иначе, какъ черезъ алтарь, а для этого надо было, чтобы Нуръ-чашъ рѣшилась креститься въ нашу вѣру. Когда, со всѣми предосторожностями, объявили ей объ этомъ, то она отвѣтила своему возлюбленному:

— Я твоя и душа моя твоя, жаль только, что теперь одна половинка осталась.

— Только, сообщилъ тутъ намъ отрядный докторъ:—вы по-торопитесь, а то вѣдь эти психическая болѣзни, чортъ знаетъ, до какой степени доходятъ и большими пакостями кончаются... Вотъ, напримѣръ, возьмемъ хоть обезьяну въ нашемъ климатѣ.

— Вы бы сравненіе-то получше выбрали, брюзгливо прервалъ его Ваня Черныхъ, и все-таки, не откладывая въ долгій ящикъ, отправился совѣщаться съ отцемъ Геннадіемъ, отряднымъ духовникомъ,—іеромонахомъ.

Черезъ недѣлю Нуръ-чашъ уже носила другое имя—Анастасія, какъ непремѣнно хотѣлъ Черныхъ, въ честь своей покойницы матери; а еще черезъ недѣлю мы лихо пировали на оригинальной военной свадьбѣ, гдѣ присутствовала только одна женщина, и то сама невѣста, гремѣли хоры пѣсенниковъ и пускались въ плясъ всѣ, отъ самого генерала до послѣдняго барабанщика. Маіоръ Брутовъ былъ восприемникомъ новообращенной, а по сему и посаженнымъ отцемъ, и, о дивное дѣло! не выпилъ на свадьбѣ ни одной рюмки и вель себя особенно чинно и торжественно, завѣряя всѣхъ, что, ради такого дорогаго дня, онъ и совсѣмъ пить перестать намѣренъ. А отецъ Геннадій съумѣлъ убѣдить Нуръ-чашъ (виноватъ Настеньку), что теперь и душа у нея новая, цѣльная, что эти разрозненные половинки были мусульманскія, ну, пусть онъ тамъ гоняются другъ за другомъ, сколько имъ угодно, а, моль, нашъ, русскій Богъ, настоящій Богъ, далъ ей теперь такую душу, полную, да хорошую, какую онъ даетъ только своимъ самымъ любимымъ дитяткамъ.

Теперь я уже совершенно свободно могъ рисовать Настю сколько угодно, да и желающихъ имѣть ея портретъ было столько,

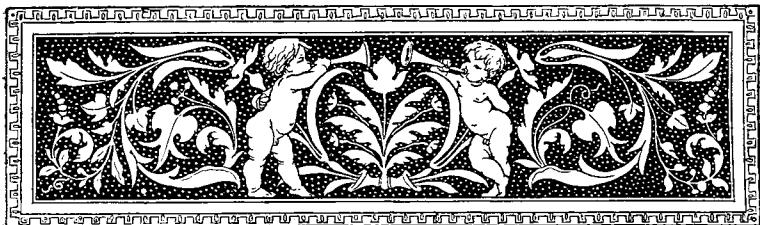
что я едва успѣвалъ удовлетворять своихъ заказчиковъ. Но первый портретъ былъ все-таки самый удачный и имъ завладѣлъ Ваня Черныхъ, сказавъ при этомъ:

— Ну, видишь, другъ... Вотъ! одно слово... Понимаешь-ли— по гробъ!..

Тутъ онъ меня охватилъ обѣими руками и чуть не десять минутъ ломалъ и душилъ въ своихъ дружескихъ объятіяхъ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №.*)

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ художника-путешественника.

(Окончание *).

НАУРУСОВА ЯМА.

Пришлось мнѣ пошататься съ мѣсяцъ по горамъ, вплотную подступающимъ къ большому озеру Иссыкъ-кулю. Тогда вся эта мѣстность намъ не принадлежала и составляла для нась полную тайну. Свѣдѣнія объ этой странѣ мы имѣли исключительно распросныя, а потому весьма сбивчивыя и противорѣчивыя; все-таки, въ концѣ-концовъ эти свѣдѣнія сводились къ тому, что страна эта очень дикая, населена народомъ тоже мало цивилизованнымъ, кара-киргизами, или, какъ ихъ тогда, даже и въ учебникахъ, величали, дико-каменными киргизами, занимающимися преимущественно охотою и разбоемъ, и чуть-чуть хлѣбопашествомъ, гдѣ только выгадывалась, по близости зимовокъ, удобная площадка земли. Природа, говорили, здѣсь необыкновенно величественна, хотя и очень мрачного характера. Скалистые горные кряжи, увѣнчанные вѣчными льдами, непроходимыя лѣсныя чащи по скатамъ, зияющія пропасти, бѣшено каскадирующіе потоки водъ, глубокія, темныя, извилистыя ущелья и чудные оазисы—долинки,

*) См. № 1 „Худож. Журн.“ 1882 г.

пестрѣющіе дымяющимися кибитками кочевниковъ. И вотъ въ этакую-то мѣстность мнѣ и пришлось навѣдаться для производства маршрутныхъ съемокъ, это официальная сторона порученія, а главная—удовлетвореніе, хотя отчасти, того жгучаго чувства любопытства, или любознательности, какъ хотите, которое овладѣваетъ всякимъ путешественникомъ-изслѣдователемъ по профессії, когда на его пути судьба бросаетъ что-либо загадочное, неизвѣстное, да еще вдобавокъ трудно досягаемое.

Пробирались мы вдвоемъ, какъ теперь помню, по чутъ намѣченной тропинкѣ, вьющейся по дну дикаго, загроможденаго осыпями горнаго ущелья. Со мною былъ мальчикъ лѣтъ двадцати, вольно-наемный кара-киргизъ, Байтакъ, практически хорошо знакомый съ этой мѣстностью, мнѣ лично очень преданный, человѣкъ ловкий, находчивый, мало-мало говорящій по-русски. Нанялъ я его мѣсяца два тому назадъ въ одномъ аулѣ, недалеко отъ города Вѣрнаго, и нанялъ специальнно для этихъ поѣздокъ. Старый киргизскій бій Нуръ-Верды рекомендовалъ мнѣ этого молодого человѣка и, кромѣ того, для вящаго обезспеченія отправилъ семью его въ городъ подъ временный надзоръ, до моего благополучнаго возвращенія, въ видѣ заложниковъ, что, впрочемъ, моего проводника и оруженосца не смущало никакъ, ибо онъ каялся Аллахомъ, въ котораго, какъ киргизъ, не вѣрилъ вовсе, и самимъ Албасты-басу (злымъ духомъ), существованіе котораго признавалъ безапелляціонно, что по его винѣ со мною не можетъ случиться никакого несчастія, что онъ будетъ оберегать на пути каждый волосъ на моей головѣ и увѣренъ, что за все это получить потомъ отъ начальства большую серебрянную медаль на яркой красной лентѣ, лучше даже чѣмъ та, что онъ видѣлъ на шеѣ у самого Мирзы-беткуева, аульнаго сборщика податей и прочихъ повинностей. Итакъ, въ виду всего этого, отношенія мои къ Байтаку и обратно—были самыя лучшія; въ основѣ ихъ лежало полное довѣріе другъ къ другу, а изъ довѣрія само собою вытекала и дружба, съ моей стороны начальнически-снисходительная, съ его—подчиненно-почтительная. Подо мною и подъ Байтакомъ кони были добрые, превосходной мѣстной породы, крѣпкіе, выносливые, не знающіе, что такое усталость и неприхотливые на кормъ, въ чемъ, впрочемъ, и мы сами брали съ нихъ примѣръ, такъ какъ на сѣдо большихъ

запасовъ не навьючишь, и насчетъ чего-либо мяснаго приходилось разсчитывать исключительно на собственное оружіе. Ну, да въ этой странѣ, особенно какъ теперь, въ лѣтнюю пору съ чего другого, но съ голоду умереть было трудно... Всякой дичи велось тутъ обильно, и, мало пуганная, она легко подпускала къ себѣ человѣка на разстояніе вѣрнаго ружейнаго выстрѣла.

Дорога, по которой мыѣхали, была восхитительно хороша, конечно, не въ смыслѣ только путей сообщенія,—въ этомъ отношеніи она была хуже, чѣмъ можно себѣ даже представить. Справа и слѣва то отвѣсными стѣнами, то крутыми, растрескавшимися скатами поднимались скалистыя горы, мѣстами покрытыя кустарниками; по дну ущелья, загроможденного валунами и обломками осыпей, струился съ рокотомъ ручей холодной, прозрачной, какъ стекло, ключевой воды; на боковыхъ скатахъ тоже мѣстами сочились родники. Тропинка то шла самымъ низомъ по руслу ручья, то взбиралась выше, обходя обрушившіяся скалы и цѣплялась по такимъ рискованнымъ косогорамъ, что только наши, опытныя въ этихъ случаяхъ, лошади могли держаться, не теряя равновѣсія; иногда эта тропинка тянулась узкими карнизами, то и дѣло осыпающимися подъ ногами, и не разъ намъ приходилось сходить съ лошадей и вести ихъ въ поводу, придерживаясь въ то же время руками за выдающіеся камни и за колючія вѣтви горныхъ кустарниковъ. Цѣлые стаи сѣрыхъ куропатокъ „kek-lukъ“, съ красно-сюргучными бровками и мацнатыми ножками, копошились по тѣневымъ скатамъ, быстро перебѣгали тропинку и, завида нась, съ шумомъ снимались съ мѣста; громадныя ящерицы, разинувъ пасть, неподвижно грѣлись на солнцѣ, вытянувшись во всю длину на раскаленныхъ камняхъ; надъ головами высоко-высоко, исчезая точками въ темно-синемъ небѣ, рѣяли орлы; кое-гдѣ, но уже на болѣе приличныхъ разстояніяхъ, виднѣлись красивые силуэты ахкаровъ, этихъ дикихъ барановъ съ громадными, заваленными на спину рогами...

Въ настоящую минуту мы были сыты, ибо не болѣе часу тому назадъ, какъ вышли съ привала, и, кромѣ того, за сѣдломъ чалаго коня Байтака приторочена была большая половинка дикаго козла, убитаго вчера передъ закатомъ солнца; а потому охотою мы не увлекались, а останавливались только тогда, когда

— Это, видишь-ли... онъ сильно понизилъ голосъ.—Мнѣ такъ отецъ еще говорилъ, когда мы съ нимъ тоже разъ попали на это мѣсто... а отцу его отецъ говорилъ, мнѣ дѣдъ значить, а дѣду...

— Ну конечно—такъ дальше по наследству, перебилъ я.—Что-же говорилъ тебѣ отецъ твой?

— А то говорилъ, что жиль на томъ мѣстѣ старый престарый мулла Наурусъ, и такой старый, что на свѣтѣ не было ни одного старика, чтобы его молодымъ зналъ... Говорили, что ему пятьсотъ лѣтъ было отъ роду... Можетъ и вѣрно! Вырылъ себѣ Старый Наурусъ яму, подрылъ ее съ боку, чтобы дождемъ не мочило, да и жиль въ этой ямѣ. Людей онъ видѣлъ рѣдко: кто сюда заглядывать станетъ, развѣ только кто изъ гуляющихъ; и сидѣлъ Наурусъ одинъ одинешенекъ, даже изъ ямы не вылезалъ. Кормилъ его самъ Аллахъ; онъ посыпалъ къ нему дикихъ козъ, а тотъ доилъ ихъ и пилъ молоко; больше ничемъ другимъ не питался. Дѣдъ мой разъ, когда лошадей угнали косякъ у китайцевъ, этою-же вотъ дорогою гналъ, навѣдался къ Наурусу, поклонился, благословенія попросилъ, и тотъ сказалъ: „иди съ миромъ! Благословенъ твой путь отъ восхода до заката солнечнаго...“ Только и сказалъ всего... Потомъ, кто только не видалъ старика, всѣ говорили, что и ихъ онъ также напутствовалъ; только до самого смысла этихъ словъ никто путемъ не додумался... Послѣ уже узнали. И, дивное дѣло! Какъ кто къ Наурусу съѣздить поклониться, какъ кому онъ скажетъ свое: „иди съ миромъ! Благословенъ твой путь отъ восхода до заката солнечнаго“,—такъ тому и пойдетъ съ того времени во всемъ удача. Дѣдъ вотъ мой тогда весь косякъ довелъ благополучно. Китайцы за нимъ сто человѣкъ послали въ догонку, да только они заблудились въ нашихъ ущельяхъ,—половина передохла ихъ, а другую половину по одиночкѣ наши послѣ повыловили... Даудъ-Бай тоже шесть разъ принимался орла ручнаго, охотничьяго у Алаяръ-Хана красть, и все неудача! На шестой—попался. Зарѣзать его велѣль ханъ, да ушелъ ночью Даудка, и, не откладывая дѣла, побѣхаль на поклонъ къ Наурусу... И что-же бы ты думалъ? Какъ съѣздилъ, такъ на другую-же ночь и, скраль орла, да еще и кобылу Алаярову сивую увелъ, любимую... И всѣ тогда стали Науруса-Бабая за настоящаго святаго почи-

тать, всѣ ему стали возить платки, табакъ, рису и деньгами много тоже въ яму сыпали... А Наурусу на что подарки. Онъ табакъ не трогалъ, другихъ угощалъ имъ, рисъ птицамъ разбрасывалъ, а деньги подъ себя въ землю зарывалъ... „Деньги зло“ говорилъ, „на нихъ крови много...“ Однако бралъ, любилъ даже старику монету, особенно бѣленъкую, серебряную, и все въ землю да въ землю... Только разъ нашлись таки люди не хорошіе, что на эти деньги позарились. Думали, что моль везутъ ему со всѣхъ концовъ, ни вѣсть какую кучу навозили; что имъ дескать такъ, зря въ землѣ чернѣть!..

Задумали они это темное дѣло и пріѣхали двое, на одной лошади пѣгой,—пріѣхали къ самому закату солнечному, поклонились, а онъ имъ свое слово сказалъ.

— Такъ какжѣ? спрашиваютъ, хитрые тоже,—солнце уже садится, значитъ намъ тутъ и ночевать надо.

— Ночуйте, сказалъ имъ Наурусь,—только спуститесь внизъ къ ручью, да душу свою отмойте, а то на ней черныя пятна... я вижу... такъ-то!..

— Переглянулись тѣ межъ собою, оробѣли тоже. Неужели-же, думаютъ, онъ замыселъ нашъ пронюхалъ?

Однако корысть одолѣла страхъ: притворились, что не понимаютъ, сдѣлали по его совѣту, да, самой темной ночи дождавшись, старику и перехватили горло веревкою.

Помолчалъ Байтакъ нѣсколько минутъ... Дорога тутъ пошла на подъемъ и очень трудная даже, начинался Наурусовъ переваль, идущій ступенями. Твердый, оголенный отъ всякой растильности, известнякъ не оставлялъ на себѣ даже признака отпечатка конскихъ подковъ; лошади скользили и поминутно падали на колени. Мы вели ихъ въ поводу, а сами тоже едва держались на ногахъ, не смотря на нашу мягкую, войлочную обувь. Ущелье съузилось на столько, что мѣстами, разставивъ руки, можно было коснуться обѣихъ стѣнъ; стѣны эти грозно нависали надъ головами, образуя фантастические своды, подъ которыми проходили темные сырые туннели.

— Ну, что-же ты пересталъ, говорю я Байтаку,—рассказывай, что дальше было?

— А вотъ, погоди, выѣдемъ на свѣтлое мѣсто, тогда... Тутъ

уже самое страшное пойдетъ... Ты, тюря, назадъ поглядывай по-чаще... Мнѣ чудится, что кто-то за нами слѣдомъ гонить... Далеко, а гонить... Постой-ка!..

Пріостановились мы, прислушались... Лошади пугливо пофыркиваютъ, беспокоятся. Выждали случайную минуту полного затишья... Нѣтъ, ничего! Только гдѣ-то звучно-презвучно, крупными каплями сочится вода и подъ темными сводами эти всплески разносятся... Тронулись дальше... Шли, шли... Глазами вотъ онъ видѣнъ конецъ перевала, полувыстrelа нѣтъ ружейнаго, а идти—такъ словно онъ все дальше, да дальше становится. Однако, добрались таки... Одолѣли и повалились на землю, духъ перевести... Кони стали, головы понуривши, отъ уха до копыта мокрепеньки, пахами такъ и поводятъ и паръ отъ нихъ повалилъ облакомъ, потому что здѣсь холодновато стало порядочно.

Чиркнулъ Байтакъ спичку, закурилъ папиросу изъ моего запаса; закурилъ и я.

— Ну, дальше что?

— Дальше?.. Дальше вотъ какое дѣло вышло! Задушить-то имъ старика легко было, разомъ прикончили, а послѣ сейчасъ смута на нихъ напала: не могутъ никакъ за дѣло приняться, пока тѣло тутъ-же сидитъ мертвое, съ веревкою на шеѣ... А ночь стала такая темная, что неба отъ горъ не отличишь, какъ не приглядывайся; ступить не возможно... Тутъ-то, у нихъ въ ямѣ отъ огонька отсвѣчивается, еще можно осмотрѣться, а изъ ямы выглянули... просто бѣда! Стало было тащить старика:—тяжель, однако подается. Вытащили... „Куда-же его спрятать?“ спросилъ дѣдъ мой...

— Какъ, развѣ это твой дѣдъ былъ? Тотъ самый, что у китайцевъ...

— Зачѣмъ дѣдъ?! встрепенулся Байтакъ.—Раявъ я сказалъ „дѣдъ?“ Тебѣ послышалось. Нѣтъ... дѣда тутъ моего не было... и отца тоже не было... Ей богу, не было!.. Это были просто гулящіе люди... дурные люди... а отца не было... зачѣмъ отцу быть при такомъ дѣдѣ?

Байтакъ видимо смущился и не скоро оправился до возможности ясно и подробно продолжать свой разсказъ, хотя я и поспѣшилъ его успокоить увѣреніями, что я просто ослышался

и что, молъ, обмолвиться тоже легко, и это даже съ учеными муллами бываетъ.

— Ну, то-то! подозрительно и жалко какъ-то глянуль на меня изъподлобья Байтакъ и продолжалъ:

— Порѣшили они, эти люди не хороши, оттащить тѣло по-далъше, вверхъ горы, куда никакой тропинки не идетъ, гдѣ че-ловѣкъ никакой не заходитъ, и тамъ его спрятать... А то пріѣ-дутъ богомольцы, увидятъ такое дѣло, розыскивать начнутъ, по-жалуй еще пронюхаютъ, тогда не отвертишься... Порѣшили и поволокли, не глядя на темноту; и очень дивились: отчего это кругомъ темно, а у нихъ по пути, словно кто-то фонарикомъ свѣтить? Потомъ уже доглядѣлись, что свѣтъ этотъ отъ Науру-сова живота шелъ... Пошутилъ даже одинъ:—Вотъ, говоритъ, спасибо тебѣ, Мулла, за эту услугу...

Заволокли высоко высоко, и за камнями сложили, да еще сверху принажали.

— Однако провозились съ Наурусомъ почти до свѣту: у нихъ тамъ на верху даже солнышко стало выглядывать, внизу же еще темно было, чуть прояснивалось...

— И видятъ они, что тропинкою люди конные їдуть, прямо къ Науруской ямѣ... „Вотъ горе!“ думаютъ—„кальже теперь быть? Запримѣтять нашего коня, муллу не найдутъ, до нась доберутся. Пропали наши головы!“.. Сидятъ, молчатъ за камнями, выжидаютъ да другъ на дружку поглядываютъ... Проѣхали конные мимо, не заглянули въ яму. Дали имъ наши изъ вида скрыться, собрались внизъ ползти, опять топотъ конскій снизу слышится, опять їдуть чужие. Їдуть, совсѣмъ вотъ какъ будто прямо къ ямѣ, а тамъ глядишь, все мимо да мимо... И цѣлый день эти проѣзжіе му-чили тѣхъ двухъ, что за камнями сидѣли... Никогда такого проѣзда по этой дорогѣ и не видывали, а тутъ вотъ, словно, въ базарный день, къ торговому мѣсту народъ поднялся.

— Къ вечеру уже только смекнули наши, что это имъ такъ только чудилось, и день они даромъ потеряли; пришлось въ сумеркахъ спускаться. Залезли въ яму, а уже и вторая ночь наступила. Развязали они коржумы у сѣда,—это чтобы деньги ссыпать, разрыли землю и чувствуютъ руками, какъ все-то имъ въ горсть кругляки серебряные лезутъ... Гребутъ-гребутъ, все до

дна не доберутся... Наклали одинъ коржумъ, наклали другой. Навьючили такъ коня, что у того поджилки трясутся, на ногахъ еле держится.

— Не довеземъ, говорить одинъ.—Будеть съ насть... оставимъ половину.

— На себѣ шотацу, не брошу! кричить, надсѣдается другой,— пожаднѣе оказался.

А все деньгамъ нѣтъ въ ямѣ убыли. Видимое дѣло „Албасті“ надъ ними плохую шутку шутить за ихъ дѣло доброе, а тѣ не понимаютъ ничего: разумъ у нихъ помутило, волю отняло... Конь полегъ, встать не можетъ, а тѣ, зная себѣ, подсыпаютъ... Только, слышатъ они, загудѣло наверху, загрохотало, свѣтомъ все краснымъ озарило, словно костеръ смоляной сигнальный кто запалилъ; и видятъ—какъ оттуда катится гора цѣляя, каменная и прямо на Наурусову яму. Оцѣпенѣли они оба отъ страха, веревками словно кто окрутилъ ихъ, двинуться не могутъ, а гора докатилась, разсыпалась и завалила ихъ начисто и съ лошадью, деньгами навьюченными.

— Ты откуда-же это всѣ подробности знаешь? перебилъ я рассказчика.

— А вотъ погоди, что дальше было, покосился тотъ на меня и, сплюнувъ на кончикъ докуренной папирозы, продолжалъ:

— Долго-ли, коротко-ли лежали тѣ люди, однако очнулись, совсѣмъ какъ бы въ могилѣ, заживо погребенные... Яму-то наискось завалило, такъ имъ простору оставило немножко... Стали откальпываться... Въ могилѣ-то вѣдь не въ саклѣ, неохота оставаться,—забыли и про деньги... Рылись, рылись, всѣ ногти порвали, пальцы ободрали, однако денной свѣтѣ замаячили имъ очи, силы поддались. Вырылись!—„Нѣтъ“, говорятъ, „это насы Наурусь святой наказалъ за грѣхъ нашъ тяжкій; надо этотъ грѣхъ какъ ни есть замаливать“. И порѣшили они теперь остаться здѣсь на мѣстѣ, пока не складутъ настоящій мазарь покойнику,— Аулье-святое. Принялись за работу... Первымъ дѣломъ, коня отрыли раздавленнаго, — тамъ вѣдь котомка была на сѣдлѣ съ припасомъ сѣвѣстнымъ. За коржумы, что съ деньгами, и дотронуться боялись. Погрызли малость и стали камни таскать, да въ порядокъ станами укладывать. Цѣлый день работали, никто не

проехжалъ, не проходилъ, не мѣшалъ, значитъ, а къ ночи только спать полегли. Опять грохочеть наверху, опять горы осыпаются и свѣтъ багровый зарево даже на небо откинулся... И валятся все камни на Наурусову яму, а мазаръ ихъ, только начатый,—хоть и около, близко, однако не трогаетъ. Смекнули наши, что святому работа ихъ угодна, коли не давить больше, милуетъ. Съ разсвѣта еще ревнивѣе принялись... И такъ, вотъ девять дней все камни таскали, да укладывали. Довели стѣны wysoko, и надо сводъ сводить, а на это умѣнья нѣту. Какъ быть? Надумали сътворить намазъ большой (молитву) въ честь покойника и идти домой, въ аулье мастеровъ паниматъ. Спустились къ роднику, помолились съ омовеніемъ, одежду всю съ себя поснимали, и халаты, и рубахи, остались въ однихъ штанахъ, а проще все на стѣны повѣсили, приношенія ради Науруской памяти; переждали еще ночь, потому чуяли, что какъ стемнѣеться, такъ опять „Наурусь съ горы камнями начнетъ швыряться“—и по утру рано, какъ улеглось все въ лощинѣ и успокоилось, давай Богъ поскорѣ ноги отсюда.

— Года четыре стоялъ мазаръ некрытый, потому мастерамъ деньги надо заплатить за работу, а денегъ гдѣ достать? Пошли наши оба въ „дубона“ (юродивые), по всѣмъ кишлакамъ слонялись, по базарамъ, ни вѣсть что народу разсказывали, пѣли, ломались, набрали „чеками“ малость, да все не хватаетъ... Случай тутъ счастливый выдался: привелось имъ купца одного маргеланскаго на дорогѣ застукать, да об обратъ... Ну, тогда уже можно было раскошелиться... Лѣто еще не прошло, до первого снѣга посыпала крыша, знатная крыша, круглымъ сводомъ и съ оконечкомъ, вотъ ты увидишь, какъ пріѣдемъ ужо. Да кромѣ крыши,—разохотились наши,—поставили два шеста съ хвостами и шарами мѣдными, да роговъ ахкаръихъ натаскали съ дюжину... и сталъ теперь Наурусовъ мазаръ изъ первыхъ по всему нашему краю горному.

— Однако пора! Солнце черезъ часъ сядетъ, а намъ и дороги то не меныше того осталось!

Дорога по спуску съ перевала оказалась очень не дурна, мѣстами мы даже скакали полной рысью и скоро завидѣли вдали, на каменной террасѣ, словно, балконъ, выдвинувшійся надъ глубину...

бокою, темною пропастью круглый куполь мазара и его косматые бунчуки, неподвижно висящіе на кривыхъ шестахъ въ тихомъ вечернемъ воздухѣ.

Мазаръ Наурусъ, какъ внѣшнимъ видомъ своимъ, такъ и внутреннимъ убранствомъ, ничемъ особенно не отличался отъ прочихъ мазаровъ; онъ былъ только немножко больше тѣхъ, что мнѣ приходилось видѣть до сихъ поръ. Сложенныя изъ дикаго камня, известняка стѣны были слегка прощекатурены внутри глиною и успѣли уже прорости травою, сводъ закоптился изрядно отъ дыма костровъ, раскладываемыхъ обыкновенно путешественниками и богомольцами въ самомъ мазарѣ. Маленькое отверстіе входа едва могло пропустить человѣка и, кроме того, наверху, въ сводѣ фантастично мигало крохотное, щелеобразное окошко, откуда безпрестанно, подъ вечеръ влетали и вылетали веселые лѣтучіе мыши, постоянные обитатели этого зданія.

— А что-же стало послѣ съ „тѣми?“ спросилъ я своего спутника, когда мы уже устроились на ночлегъ какъ слѣдуетъ и наши чайники весело забурлили, испуская блѣдныя клубы ароматического пара.

— А ничего, благополучно прожили! отвѣчалъ Байтакъ.—Старый тотъ давно померъ, годовъ двадцать, еще когда про васъ, русскихъ и не слыхивалъ никто на нашей сторонѣ. Его, видиши ты, накрыли разъ на чужомъ табунѣ, такое ужъ постоянное мастерство было у покойника, и били очень... Такъ били, такъ били, что дня черезъ два онъ и померъ своею смертію; а другой, помоложе,—тотъ недавно померъ, два года всего, и мнѣ все это передъ смертью рассказалъ, да еще говорить: ты, Байтакъ, вотъ что,—ты все-таки попытайся, поразрой когда ту гору, что отъ мазара на востокъ сорокъ два шага надо отмѣрить,—тамъ серебра и-и сколько. Только я на это не пойду,—я и тогда, когда онъ помиралъ, говорилъ ему: нѣтъ молъ, батько, ты меня на такое дѣло не толкай... можетъ и серебро-то такое, что его отроешь, а оно въ уголь обратится, либо въ каменъя мелкіе... Это вѣдь, въ такихъ дѣлахъ, бываетъ тоже...

— Ну, а по ночамъ, улыбнулся я на эту послѣднюю нелѣпость дикаря,—теперь вотъ валятся камни и видать огонь на верху?

— Говорятъ будто. Я самъ никогда того не видѣлъ... Можетъ, когда спалъ я, потому сплю я всегда крѣпко съ дороги,— въ это время развѣ...

Н. Каразинъ.

